

«речка», и «кос», что означает «сухой», «каменистый». Женька Маковкин имел на этот счёт собственное мнение. С таинственным видом он начал излагать версию, будто в XX веке дорожные строители решили пошутить. У отворота со скоростного шоссе они намалевали на указателе манящее и загадочное «Кость-Ящер» — вместо «Костя-шор», что означает просто «Костин ручей». Дорожники были романтиками.

Тася Новгородцева на научные и околонучные темы не рассуждала, а гнала наш школьный экспедиционный мобиль по Среднерусской равнине. Я сидел рядом с ней и пичкал бортовой компьютер показаниями навигатора и результатами непосредственных наблюдений из окна. В окне появились холмы Предуралья. Над ними широко развесилось почти мезозойское небо. Последний поворот, мост через речку. Указатель: «Кость-Ящер».

Остановились у магазина. Решили навести справки у продавщицы и заодно навалиться на пломбир.

— Здравсьте, где у вас тут скелеты динозавров, четыре пломбира, пожалуйста, — выпалил Женька.

— И вам не хворать, в Доме культуры в шесть вечера будут крутить «Парк юрского периода», пломбира нет, есть эскимо, ситро будете брать? — ответила продавщица, на белом халате которой был прицеплен значок «Чудес не бывает. Только ассортимент».

Накупив эскимо, ситро и карамелек, вышли из торговой точки.

— «Шор», «кос», — напомнила Мила Боринских. — Я вас предупреждала.

— «Костин ручей», — настырничал Женька.

— Домой, что ли, рванём? — поинтересовалась Тася, доглядывая твердейшее эскимо. — Успеем к вечернему экраноплану на Кубу. Пальмы! Кораллы! «Гуантанамера»!

Решили всё же пообщаться немного с родной природой, раз уж вырвались из города. Выбрали на деревенскую окраину, где рядом с журчащей на камнях речкой в изобилии рос бурьян, копались в пыли куры да бродила деревенская девчонка с прутиком, причитая: «Борька, Бо-орька, вот я тебе! Куда спрятался?».

— Тут стегоцефал не пробегал? — смеха ради спросил девчонку Женька.

— Вы моего трицератопса не видели? — одновременно спросила Женьку девчонка.

Маковкин, понятное дело, пошутит. Девчонка же была настроена серьёзно, прутиком помахивала воинственно.

— К-какого трицератопса? — оторопел Женька.

— Стегоцефала-а? — протянула девчонка. Она выглядела не менее удивлённой. — А Петровна нынче стегоцефала своего пастишь не выгоняла. Неужели опять ограду сломал и убер?

Вдруг за нашими спинами раздался печальный вздох. Впрочем, «вздох» — это слабо сказано. Так глубоко и тяжело мог вздохнуть только печальный вулкан. Потом послышалось сопение, какое могло бы издать стадо бегемотов, если б здесь водились бегемоты. Прибрежные заросли ивняка заходили хо-

дуном, и над ними воздвиглась серо-коричневая спина, по хребту которой бежала цепочка костя-

ных шипов. Высунулась виноватая носорожья морда, над которой вздымался рогатый воротник, прикрывающий шею от гипотетического нападения хищников или, скажем, боевых вертолётов. «Тумм!» — ударила в землю толстенная лапища. «Туммм!» — взлетело ещё одно пыльное облачко. Куры, впрочем, совершенно не были обеспокоены появлением мезозойского страшилища и продолжали искать козявок, ловко выпархивая из-под ступней громадного трицератопса. Чудовище, виновато похрюкивая, устремилось к своей маленькой хозяйке. Ящер боязливо косился на прутик.

